

Глава 88. Плохой ученик приручил темного, влажного мужчину-призрака (03)

После окончания военных сборов Лин Янь в одиночестве бесцельно бродил по кампусу.

Листья платанов вдоль аллеи шелестели на ветру, мимо проходили студенты по двое-трое, но, обойдя весь кампус, он так и не встретил того, кого искал.

В конце концов он лениво пнул камешек под ногой и вернулся в общежитие.

В прошлых мирах этот человек всегда сам появлялся перед ним. Может быть, в этот раз лучше всего просто плыть по течению.

Вернувшись в пустую комнату, Лин Янь принял душ и забрался на кровать.

От нечего делать он взял с тумбочки книгу «Основы теории реставрации культурных реликвий», прислонился к изголовью и принялся листать.

Строчки на страницах начинали расплываться, печатные иллюстрации теряли четкость. Вдруг, сам не заметив как, он почувствовал, как сон накатывает волной, и, все еще сжимая книгу в руках, провалился в дрему.

...

Белый туман стелился вокруг, словно легкая вуаль.

Когда Лин Янь снова открыл глаза, он обнаружил, что стоит во внутреннем дворе того самого старинного особняка.

Огромное гинкго (дерево с веерообразными листьями, символ долголетия) возвышалось в центре двора, золотые листья кружились и падали, словно рассыпанное золото, выписывая в воздухе изящные дуги и бесшумно устилая сизую брусчатку.

Он бесцельно прохаживался по двору, как вдруг заметил фигуру, стоящую к нему спиной под деревом гинкго.

На том человеке по-прежнему была алая праздничная одежда, осанка его была прямой, как сосна.

Мужчина медленно обернулся, но лицо его по-прежнему скрывала дымка, можно было разглядеть лишь его высокий, мощный силуэт, излучающий необыкновенное достоинство.

— Маленький обманщик. — Голос, низкий и глубокий, опустился вместе с падающими листьями. — Ты же говорил, что любишь деньги больше всего. Почему же ты их выбрасываешь?

«...»

Лин Янь на мгновение растерялся и инстинктивно переспросил:

«Какие деньги?»

Мужчина взмахнул рукой — и в тот же миг бесчисленные листья гинкго превратились в жертвенные купюры, которые дождем посыпались с неба, словно бесшумный снегопад.

— Не нравится?

Голос прозвучал снова, в нем слышалось любопытство.

Лин Янь смотрел на кружащиеся в воздухе бумажные деньги и на мгновение лишился дара речи. Не успел он открыть рот, как одна купюра с хлопком приклеилась прямо ему на лицо.

Он с отвращением оторвал ее от лица, в голосе его послышалось явное недовольство:

— Я еще жив, между прочим. Чтобы я любил жертвенные деньги? Лучше подожди, пока я умру, и тогда сжигай их для меня.

«...»

Фигура мужчины заметно застыла.

Тишина разлилась по двору, слышен был лишь шорох падающих купюр. Спустя долгое время низкий голос раздался снова, на этот раз с ноткой раскаяния:

— Моя ошибка, не подумал.

В следующий миг перед Лин Янём бесшумно повис старинный деревянный поднос, медленно вращаясь в воздухе, и наконец замер у него перед глазами. На подносе аккуратными рядами лежали золотые слитки, в тусклом свете они отливали тяжелым, тускло-золотым блеском.

Как раз в этот момент ветер подхватил лист гинкго, и он, кружась, опустился прямо на сверкающую поверхность.

С ветром донесся тихий, низкий смех, голос мужчины прошептал словно прямо у самого уха:

— А золото? Нравится?

Лин Янь приподнял бровь, принял деревянный поднос в руки, скользнул по нему взглядом, и уголки его губ дрогнули в едва заметной усмешке:

— Это, конечно, нравится. Кто же не любит золото.

— Рад, что тебе нравится.

С этими словами белый туман начал рассеиваться.

Лин Янь на кровати перевернулся на другой бок и вдруг почувствовал, что грудь упирается во что-то твердое. Он резко открыл глаза, опустил взгляд и увидел, что в его объятиях действительно лежит целая стопка золотых слитков.

Он мгновенно сел, взял один слиток и, поднеся к свету, принялся разглядывать —

Тяжелый, увесистый, с четким клеймом — настоящий.

Но что поражало еще больше — деревянный поднос тоже оказался рядом с подушкой, а на нем лежал тонкий лист гинкго с отчетливо видными прожилками.

Лин Янь долго вглядывался в золотой блеск, брови его постепенно сходились на переносице. Он внимательно прокрутил в голове сцены полу-сна, полу-яви и тихо прошептал:

«Неужели это был не сон?»

Посидев некоторое время в тишине, он вдруг что-то вспомнил и снова прослушал голосовое сообщение, оставленное Лин Сяоци.

«... шурин находится внутри этой школы».

Внутри школы.

Но только не в живых.

Лин Янь потерял переносицу, на дне его глаз промелькнуло какое-то неопределенное, сложное чувство.

Выходит, теперь ему предстоит разыграть историю любви между человеком и призраком?

—

Следующие две недели, каждый раз, когда после сборов Лин Янь возвращался в общежитие и откидывал одеяло, на кровати его ждал поднос с аккуратно уложенными золотыми слитками. Таинственный незнакомец словно пристрастился к этому — с каждым разом подносы становились все тяжелее, блеск — все ослепительнее.

Его чемодан уже давно был забит до отказа, даже в каждую щель были заткнуты тяжелые золотые слитки.

Лин Янь стоял у кровати, поднес руку к виску и устало произнес:

«Не мог бы ты перестать присылать мне эти золотые слитки?»

«...»

Ответа не последовало.

Только ночной ветерок колыхал занавески, издавая едва слышный шелест.

Ночью, умывшись и улегшись в постель, Лин Янь провалился в сон, и белый туман, как обычно, окутал его. Тот мужчина, который давно не появлялся, наконец снова явился в его сновидение.

Не успел Лин Янь открыть рот, как мужчина в праздничном одеянии приблизился на шаг — на его одеянии тускло поблескивала вышивка, проступающая сквозь туман. Он низким голосом спросил:

«Маленький обманщик, ты же сам говорил, что любишь золото, так почему же запрещаешь мне его приносить?»

«...»

Лин Янь тихо вздохнул и с досадой объяснил:

«Ты приносишь его слишком много. Мой чемодан уже забит до краев, даже закрыть его не могу».

Мужчина замолчал.

Белый туман клубился вокруг, скрывая его лицо, но было видно, что он серьезно задумался.

Спустя мгновение из тумана раздался низкий голос:

«Тогда я подарю тебе шкатулку из красного сандалового дерева, ты будешь хранить золото в ней».

«...»

Когда человек доходит до крайней степени безнадежности, он действительно начинает смеяться.

Лин Янь прикусил губу, кончик языка непроизвольно уперся в щеку изнутри, и он сдержанно продолжил объяснять:

«Ты не думал, что даже если ты принесешь шкатулку побольше, в этой маленькой комнате общежития мне просто некуда ее поставить?»

«...»

Мужчина молчал, казалось, даже туман вокруг застыл из-за его недовольства.

Лин Янь немного подумал и шагнул вперед, в голосе его послышался оттенок вопроса:

«Почему ты так настаиваешь на том, чтобы дарить мне все эти сокровища?»

Мужчина поднял глаза, его взгляд, казалось, пронзал туман и устремлялся прямо на лицо Лин Яня, голос его был необычайно серьезен:

«Ты сам сказал, что любишь деньги».

«Когда я это говорил?»

— выпалил Лин Янь.

Мужчина неподвижно стоял на месте, белый туман окутывал его фигуру, но в голосе его явственно звучала откровенная нежность:

«Ты сам, своими словами сказал: «Я люблю красивых, богатых, с большим хозяйством и умелых».»

«...»

Лин Янь все понял.

Верно, те слова он сказал Цзян Юньшу в шутку.

Оказывается, этот тип все это время был рядом — призрак, неотступно следовавший за ним.

Лин Янь вдруг тихо рассмеялся, его карие глаза чуть приподнялись, внешние уголки глаз придали взгляду яркий, почти вызывающий изгиб, в глубине глаз заплесали блики:

«Раз так, значит, мне стоит проверить и другие "товары"?»

«Какие ещё товары?»

«Например — действительно ли он красив? И вправду ли у него хорошо с хозяйством?»

«...»

Мужчина взмахнул широким рукавом и неторопливо поправил пояс на праздничном одеянии и головной убор. Движения его были ленивыми, но в них чувствовалась врожденная аристократическая стать:

«Я стою прямо перед тобой. Можешь рассмотреть как следует».

<http://bllate.org/book/18456/1937835>